

ФРОНТ ЗА ЛИНИЕЙ ФРОНТА

Партизанская война 1939–1945 гг.

ЖЖ военные
тайны
века

Б.В. СОКОЛОВ

Военные тайны XX века

Борис Соколов

**Фронт за линией фронта.
Партизанская война 1939–1945 гг.**

«ВЕЧЕ»

2008

ББК 63.3(2)62

Соколов Б. В.

Фронт за линией фронта. Партизанская война 1939–1945 гг. /
Б. В. Соколов — «ВЕЧЕ», 2008 — (Военные тайны XX века)

Новая книга известного историка Б. Соколова рассказывает о партизанском движении как о сложном, во многом противоречивом явлении, ставшем неотъемлемой частью Второй мировой войны. Автор рассматривает особенности партизанской войны, прежде всего на территории Советского Союза, а также в странах Европы. В книге рассказывается как о стратегии и тактике партизан и их противников, так и о политических особенностях, социальной и национальной основе партизанского движения. Автор постарался ответить на вопрос, – в какой степени, и каким образом партизаны влияли на ход боевых действий на различных театрах войны.

ББК 63.3(2)62

© Соколов Б. В., 2008

© ВЕЧЕ, 2008

Содержание

Предисловие	6
Когда молчали пушки. Как в Москве готовились к партизанской войне	10
Упущенные возможности Германии	13
Организация партизанской борьбы в СССР	26
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Борис Вадимович Соколов
Фронт за линией фронта.
Партизанская война 1939–1945 гг.

© Соколов Б.В., 2008

© ООО «Издательский дом «Вече», 2008

Предисловие

Слово «партизан» происходит от латинского слова *partia* – часть. Под партизанами первоначально понимали отряды регулярной армии, засылаемые за линию фронта и действовавшие в неприятельском тылу в отрыве от главных сил. Но начиная как минимум с эпохи наполеоновских войн к этим отрядам стало активно присоединяться и гражданское население, так что партизанская война нередко приобретала характер народной войны. В годы Второй мировой войны мы впервые в истории сталкиваемся с массовым партизанским движением, происходящим одновременно во многих странах мира. До этого партизанское движение большого масштаба проявило себя как важный фактор борьбы только в период борьбы европейских народов против Наполеона, но тогда действительно массовый характер оно приобрело лишь в Испании и в России. А вот во Второй мировой войне, за редким исключением, борьба партизан была направлена против Германии и ее союзников. Это было вызвано как особой жестокостью оккупационной политики национал-социалистов, истреблением ими целых народов, так и тем обстоятельством, что вплоть до 1944 года только Германия удерживала под своим контролем значительные территории других стран, где, соответственно, создавалась почва для партизанского движения. В этой книге я рассмотрю особенности партизанской войны как, прежде всего, на территории СССР, так и в других странах Европы, а также коснусь для сравнения и партизанского движения в Азии, направленного против Японии. Речь пойдет как об особенностях стратегии и тактики партизан и их противников, так и о социальной и национальной основе партизанского движения в разных странах и его политических особенностях.

Партизанская борьба – это борьба иррегулярных сил или специально засланных в неприятельский тыл специально подготовленных отрядов и групп регулярных войск или спецслужб для развертывания борьбы партизанскими методами. Партизанское движение всегда питается какой-либо большой идеей – национальной, религиозной или социальной. Партизаны часто воспринимаются как романтические герои. Действительно, молодых людей всегда привлекала романтика партизанской борьбы. Да и места, где партизанам приходится обычно действовать, – глухие леса, горы, как правило, настраивали на романтический лад. Только рядом с этим были тяжести повседневного партизанского быта, риск каждую минуту очутиться под ударом карателей, кровь и грязь. В партизаны шли разные люди – идейные борцы-фанатики, юные романтики-патриоты, люди, пытавшиеся таким образом спастись от террора оккупантов и выжить (порой в партизанских лагерях было безопаснее, чем в деревнях). Были среди них и откровенные садисты и уголовники, которые рассматривали условия партизанской войны как дозволение убивать и грабить без разбора, особенно тех, кто, справедливо или нет, обвинялся в коллаборационизме.

Германский генерал Эйхе Миддельдорф считал, что партизанское движение в качестве политической цели преследует всеобщее народное восстание, в качестве экономической цели – максимальное затруднение для противника использования ресурсов оккупированных территорий, а в качестве военной цели – сковывание максимального количества неприятельских войск и прямая и косвенная помощь своим войскам на фронте. При этом используются внезапные нападения на войска, средства транспорта и коммуникации, которые осуществляются как небольшими военными отрядами, так и путем осуществления диверсий. Партизаны также

ведут разведку и уничтожают представителей оккупационной администрации и лиц, сотрудничающих с оккупантами, т. е. коллаборационистов. В партизанском движении обычно участвует как местное население, так и отрезанные от своих или специально засланные подразделения и части регулярных войск. Однако даже отдельные группы коммандос, не говоря уже о более крупных партизанских соединениях, зависят от поддержки местного населения, которое снабжает партизан продовольствием и разведывательной информацией, укрывает отдельных партизан от карателей и время от времени пополняет ряды партизан. В то же время снабжение вооружением и боеприпасами происходит, как правило, из-за линии фронта, поскольку трофейных боеприпасов оказывается слишком мало, чтобы продолжать активные боевые операции в тылу врага.

Что же касается всеобщего восстания или резкого подъема партизанской борьбы, то они происходили только тогда, когда неприятельская армия уже находилась на грани полного поражения и капитуляции. Так было, например, в Италии в последние недели Второй мировой войны, или в Югославии осенью 1943 года, после капитуляции Италии, когда партизанская армия Иосипа Броз Тито смогла получить массовое пополнение, разоружить значительную часть итальянских оккупационных войск и занять значительные по площади территории. То же наблюдалось на Филиппинах, в Индонезии и в Индокитае в последние месяцы войны, после завершения которой с партизанами пришлось бороться уже колониальным державам из числа победителей.

Партизаны не ставят цели нанести противнику решающего поражения, но наносят ему ряд мелких чувствительных ударов. Методы партизанской борьбы сводятся к отказу от концентрации сил на одном направлении, а в нанесении ударов в разных местах небольшими силами, чтобы максимально распылить силы противника. Тогда противник не имеет возможности реализовать свое превосходство в живой силе и боевой технике. Однако на практике эти идеальные для партизан методы борьбы используются далеко не всегда. Дело в том, что, начиная с 1943 года, когда грядущее поражение Германии стало очевидным, в том числе и для тех, кто прежде сотрудничал с оккупантами, во всех районах партизанского движения наблюдался значительный рост численности партизан. На Азиатском театре военных действий подобный рост партизанских отрядов наблюдался в 1945 году, когда очевидным стало близкое поражение Японии. Партизаны вынуждены были объединяться в более крупные соединения – бригады и дивизии, которые представляли собой гораздо более удобную мишень для крупных карательных операций. К тому же по мере отступления вермахта и приближения линии фронта к зонам активных партизанских действий партизанам все чаще приходилось иметь дело со значительными силами регулярных войск. Для очистки прифронтовой полосы и тыловых коммуникаций немцы, как правило, выделяли одну-две армейские дивизии, которые при поддержке полицейских и коллаборационистских формирований проводили крупномасштабные карательные операции, нанося партизанским соединениям большие потери. Партизан загоняли в труднодоступные районы, откуда те не могли угрожать коммуникациям и оказывать сколько-нибудь существенное влияние на ход событий на фронте. Кроме того, руководители партизанского движения – а в подавляющем большинстве случаев это были коммунисты, находясь под воздействием марксистских догм о решающей роли народных масс и необходимости массового движения против оккупации, стремились к максимальному наращиванию численности партизан, что нередко ставило их в невыгодное положение в тактическом отношении. Миддельдорф подчеркивал: «Партизанские отряды имеются повсюду, но их никогда не бывает там, где ожидает противник. Они не ставят перед собой задачу удержания определенной местности или восстановления утраченных позиций... Партизанам выгодно действовать скрытно, на труднодоступной для неприятельских войск и техники местности. Они постоянно меняют места дислокации». Немецкий генерал также подчеркивал: «Партизаны появляются только там, где они могут ошеломить, внезапно напасть, рассеять, разгромить противника и после

этого скрыться. Противник, подвергшийся нападению партизан, не в состоянии обнаружить их. Никто не может знать, откуда пришли партизаны и куда они скрылись. Они появляются внезапно, подобно призраку, и поэтому непрерывно держат противника в напряжении. В районе действий партизан военные и гражданские представители оккупирующей страны постоянно находятся под угрозой нападения, в обстановке непрерывно возрастающей нервозности».

В то же время Миддельдорф справедливо заметил, что «плохо управляемые и незнакомые с особенностями партизанского боя отряды могут принести больше вреда, чем пользы.

В партизанском бою успех достигается не превосходством в живой силе и технике, а моральными качествами бойца, умеющего действовать в данных условиях местности. Небольшие, но опытные, руководимые инициативными командирами боевые подразделения в борьбе с партизанами часто добивались больших успехов». В качестве необходимых предпосылок для успешного развития партизанского движения он назвал «непреклонную решимость населения к сопротивлению, высокий боевой дух народа, обширную, непроходимую, редко населенную территорию». В наибольшей степени эти предпосылки в годы Второй мировой войны присутствовали в СССР (в Белоруссии, в Карпатах и на Брянщине), на Балканах (в Югославии, Греции и Албании) и в Италии, а на Тихоокеанском театре военных действий – в Индокитае, Филиппинах, Индонезии и в ряде провинций Китая.

Как отмечал генерал-полковник Лотар Рендулич, большой специалист по антипартизанской борьбе, длительное время возглавлявший 2-ю немецкую танковую армию на Балканах, «война из-за угла, в которой бойцы маскируются большей частью под обыкновенных мирных жителей, когда удар всегда наносится из засады, а наносящий его постоянно уклоняется от открытого боя и бесследно исчезает, такая война уже по своему существу не поддается ни письменной фиксации, ни, тем более, документированию». О многом мы можем судить только по позднейшим весьма пристрастным донесениям немцев и их союзников, нередко составленным уже значительное время спустя после боевых действий.

Наибольшее влияние на ход войны партизаны оказывали тогда, когда они имели возможность непосредственно взаимодействовать с союзными им войсками, сражавшимися на фронте, и выводить из строя неприятельские коммуникации по приказам и согласно планам армейского командования. Как справедливо отмечает британский генерал Реджинальд Деннинг, «партизаны... должны находиться под руководством командующего действующей армией в данном районе. В противном случае может получиться, что их действия не будут способствовать достижению главной цели, состоящей в разгроме вооруженных сил противника; более того, фактически они могут даже препятствовать достижению этой цели (например, когда они выводят из строя коммуникации, которыми рассчитывают воспользоваться при наступлении союзные им войска. – *Б.С.*). Передача руководства действиями партизан какому-то правительственному ведомству означала бы возврат ко временам “частных армий”, которые, несмотря на всю их доблесть и упорство, не вносили в общее дело того вклада, который они могли бы сделать под руководством командующего действующей армией. Один лишь командующий действующей армией способен видеть, какие действия партизан могут помочь ему решить стоящие перед ним задачи».

Стоит подчеркнуть, что в СССР в самый разгар партизанского движения в 1942–1943 годах, когда оно могло оказать наибольшее влияние на ход боевых действий, этим принципом пренебрегали. Основная масса партизан подчинялась специальным штабам партизанского движения, а не армиям и фронтам. Объяснялось это как тем, что большинство партизан действовало в глубоком немецком тылу, достаточно далеко от линии фронта, и, особенно учитывая дефицит радиосредств, не могло непосредственно взаимодействовать с регулярными советскими войсками, так и приверженностью руководивших партизанским движением партийных работников идее массового партизанского движения, способного самостоятельно уничтожать неприятельские гарнизоны на оккупированной территории. Взаимодействие с насту-

пающими советскими войсками руководители партизанского движения постарались наладить лишь в 1944 году, когда Красная армия освободила основные территории, где действовали партизаны. Также и на Балканах, полностью оккупированных странами Оси, партизанам попросту не с кем было взаимодействовать. Такое взаимодействие было налажено лишь с осени 44-го, на заключительном этапе войны, когда в северные районы Югославии вошли части Красной армии, немцы оставили половину Югославии, а партизанская армия Тито превратилась в регулярную армию.

Как справедливо пишут английские исследователи Ч.О. Диксон и О. Гейльбрунн, «партизанские действия характеризовала необузданная жестокость. Партизаны не могут быть снисходительны к противнику – они убивают раненых и пленных, ибо не могут брать их с собой. Партизаны не рассчитывают также и на милосердие врага по отношению к себе. В партизанской войне всегда будут страдать ни в чем не повинные люди: противник, который не в состоянии устранить угрозу нападения партизан, берет заложников и расстреливает их вместо партизан. Когда советские партизаны могли нанести немцам ущерб, они не считались с тем, в какой степени это могло отразиться на их соотечественниках». Фактически точно так же действовали и югославские, греческие, итальянские партизаны, а также чеченские, ингушские, карачаевские партизаны, действовавшие против Красной армии и войск НКВД. И еще более жестоко действовали немцы против партизан, которых до 1944 года редко когда брали в плен. При этом немецкие власти широко практиковали казни заложников и репрессии против деревень, жители которых помогали партизанам. Точно так же действовали против антикоммунистических партизан советские войска на Северном Кавказе. Практически и партизаны, и их противники вели борьбу вне правового поля традиционных норм, законов и обычаев войны. В то же время подавляющее большинство партизан было воодушевлено высоким патриотическим порывом, идеей борьбы с иностранными захватчиками, высокой романтикой герильи. Повседневная действительность партизанской борьбы порой оказывалась очень далека от этих идеалов. Далеко не всегда в партизаны вступали добровольно. Кроме того, симпатии к партизанам зависели от преобладания на данной территории тех или иных этносов или социальных групп.

Что же касается тех, кто боролся с партизанами, то они, за редким исключением, не были воодушевлены высокими идеями. В состав оккупационных частей попадали обычно далеко не лучшие представители народа. Они чувствовали, что являются оккупантами, что местное население относится к ним враждебно, и жестокостью старались преодолеть свой страх перед враждебным окружением. Коллаборационисты же прежде всего заботились о собственном выживании. Только немногие идеологически или национально ориентированные коллаборационистские отряды оказывались достаточно эффективными в борьбе с партизанами. Рассказать о партизанском движении как о сложном, во многом противоречивом явлении, ставшем неотъемлемой частью Второй мировой войны, – задача этой книги. Основной упор в ней сделан на партизанском движении на территории Советского Союза, которое, несомненно, более других интересно российским читателям. Я постараюсь ответить на вопрос, в какой степени и каким образом партизаны влияли на ход боевых действий на различных театрах войны. В книге также приведен ряд ранее не публиковавшихся документов, извлеченных из прежде секретных архивов.

Когда молчали пушки. Как в Москве готовились к партизанской войне

Из всех участников Второй мировой войны к широкомасштабному развертыванию партизанской борьбы загодя готовился только Советский Союз. Партизанская война считалась важным средством противодействия возможному вторжению на советскую территорию основных «империалистических держав» в союзе с государствами-лимитрофами. Еще в первой половине 20-х годов ГПУ и военная разведка засылали специальные группы в белорусские районы Польши для развертывания там партизанского движения. Однако поддержки со стороны местного населения эти группы не получили, и в 1925 году эксперименты по инспирированию партизанского движения в Восточной Польше, равно как и в румынской Бессарабии, были прекращены. А в первой половине 30-х годов в Белорусском военном округе было создано шесть партизанских отрядов, в каждом из которых насчитывалось от 300 до 500 бойцов. В городах и на крупных железнодорожных станциях советской Белоруссии были созданы разведывательно-диверсионные группы. В тайных складах на белорусской территории было заложено 50 тыс. винтовок, 150 ручных пулеметов и взрывчатка. Все это предназначалось для массового партизанского движения в случае вторжения иностранных интервентов. На Украине также было подготовлено около 3 тыс. профессиональных партизан, в том числе не менее 1400 – подрывников. Были заложены тайники с взрывчаткой и оружием и сформированы разведывательно-диверсионные группы из бывших партизан Гражданской войны и из польских и румынских эмигрантов, предназначенные для действий на территории потенциальных противников. Подобные отряды были созданы и в Ленинградском военном округе из «красных финнов» и «красных эстов».

К концу 1935 года вдоль западных границ СССР были развернуты «саперно-маскировочные взводы» – разведывательно-диверсионные подразделения, численностью по 40 человек. Увольнявшихся в запас бойцов этих подразделений компактно расселяли вдоль границы. В случае войны близлежащие воинские части должны были обеспечить их оружием и снаряжением. Кроме того, на приграничной территории закладывались тайники с запасами оружия, взрывчатки и продовольствия для будущих партизан. Предполагалось, что партизанские группы будут действовать в советской пограничной полосе, если туда вторгнется враг, а потом перенесут свои действия на территории государств-лимитрофов.

Однако в 1937–1938 годах все партизанские базы, отряды будущих партизан и «саперно-маскировочные взводы» на Украине и в Белоруссии были ликвидированы. Остались только разведывательно-диверсионные группы, предназначенные для борьбы на территории сопредельных государств и состоявшие в значительной степени из иностранцев. Как вспоминает опытный диверсант-подрывник Илья Григорьевич Старинов, руководивший Особой группой минеров, «в СССР в конце 20-х и начале 30-х годов велась огромная работа по подготовке партизанской войны в случае возможного нападения врага. Были обучены или переучены сотни бывших партизан Гражданской войны, разработаны новые специальные диверсионные средства – с упором на то, что партизаны смогли бы сами сделать в тылу врага из подручных материалов... Большинство подготовленных нами партизан исчезли. Они были репрессированы. Никто разработкой специальной диверсионной техники не занимался. И постановки вопроса о создании такой техники не стояло.

Если бы теперь уделяли такое внимание партизанам, какое уделялось в конце 20–30-х годов, и сохранились подготовленные кадры, то наши партизанские отряды были бы в состоянии отсечь вражеские войска на фронте от источников их снабжения в самом начале войны».

Отказ от прежних партизанских баз был во многом обусловлен тем, что те высокопоставленные люди из Красной армии и НКВД, которые их создавали, подверглись репрессиям. Соответственно, под подозрение попали и выбранные ими командиры партизанских отрядов, которых в лучшем случае отправили в запас, а в худшем – репрессировали.

Не меньшую роль сыграло и то, что во второй половине 30-х годов и Сталин, и нарком обороны «первый маршал» К.Е. Ворошилов после создания военно-промышленного комплекса в ходе реализации двух первых пятилеток были убеждены, что Красная армия будет воевать малой кровью и на чужой территории, и в этом духе воспитывали Красную армию и советский народ. А для такой войны бессмысленно создавать партизанские базы и готовить профессиональных организаторов партизанских отрядов на своей территории – неприятель туда все равно никогда не дойдет. Партизанское движение придется организовывать только на территории сопредельных государств – в Польше, Германии, Финляндии, в странах Прибалтики, Чехословакии и Румынии. А базы там заранее, естественно, не создашь. И посылать туда можно лишь небольшие группы, состоявшие преимущественно из уроженцев соответствующих стран, знакомых с местными условиями. Такие группы формировала уже не РККА, а НКВД и созданное перед самым началом Великой Отечественной войны, в феврале 41-го, НКГБ. Как свидетельствовал тогдашний командир находившегося в СССР чехословацкого легиона полковник Людвик Свобода, с ним и представителями чешского правительства в изгнании в Лондоне советский Генштаб в конце апреля – начале мая 1941 года «достиг договоренности о подготовке десанта парашютистов, проведении саботажа и обмене информацией», однако внезапное германское нападение помешало реализации этого замысла.

Да и не факт, что дело дойдет до массового партизанского движения в тылу потенциальных противников. Во-первых, Красная армия, как надеялись в Кремле, сможет одержать быструю победу, и помощь партизан не понадобится. В лучшем случае предполагалось всеобщее восстание трудящихся на завершающем этапе кампании, подробно описанное в печально знаменитом предвоенном военно-фантастическом романе Николая Шпанова «Первый удар». Во-вторых, попытки создания партизанских отрядов в Польше и других государствах-лимитрофах, предпринимавшиеся в первой половине 20-х годов, к сколько-нибудь значительным успехам не привели. Гораздо больше надежды возлагалось на действия небольших разведывательно-диверсионных и террористических групп, действующих непосредственно во взаимодействии с наступающими войсками.

Уже после войны в письме, опубликованном в 1-м номере «Военно-исторического журнала» за 1962 год, бывший глава Центрального штаба партизанского движения П.К. Пономаренко сокрушался по поводу того, что «ошибочные и неправильные установки Сталина, что при нападении на нас мы будем воевать только на чужой территории (на самом деле эта формула была лишь пропагандистским прикрытием планировавшегося советского вторжения в Западную Европу; иначе возникает загадка – почему вдруг Иосиф Виссарионович был так уверен, что Красная Армия будет воевать лишь на вражеской земле. – Б.С.), привели к тому, что вся работа по обобщению опыта партизанской войны в прошлом, по разработке соответствующих мобилизационных документов была свернута. Это усугубило трудности организации партизанского движения в начальный период войны. Партии дорогой ценой пришлось исправлять ошибки, допущенные Сталиным».

В результате стихийно возникавшие из окруженцев и местных сторонников советской власти партизанские отряды оказались без запасов продовольствия и боеприпасов. Им не хватало и опытных кадров, имевших опыт борьбы в тылу врага. Многие специалисты по партизанскому движению погибли в ходе репрессий 1937–1938 годов. И немецкий генерал Л. Рендулич справедливо отмечал, что «настоящей партизанской организации в начале немецко-русской войны 1941 года у русских почти не было».

В других странах массового партизанского движения – в Югославии, Италии, Греции и др. – никакой предварительной подготовки к партизанской борьбе вообще никогда не проводилось. Поэтому о заранее подготовленных базах и запасах продовольствия, оружия и взрывчатки речи не шло. Партизаны пользовались прежде всего той частью армейского имущества, которую не успели захватить немцы и итальянцы. Продовольствие добывали у местного населения, а взрывчатку и боеприпасы им сбрасывали с самолетов союзники.

В целом же партизанское движение возникало на большинстве территорий лишь значительное время спустя после оккупации – в среднем примерно через год. Хотя бывали и исключения. Так, в Югославии первые партизанские отряды появились уже через два месяца после германо-итальянской оккупации. Тут играли роль давние традиции партизанской борьбы в этой стране, благоприятная для этого лесисто-гористая местность, а также то обстоятельство, что многие части югославской армии смогли избежать капитуляции, уйдя с оружием в труднодоступные места.

Та же закономерность прослеживается и во время последней войны в Ираке. Там массовая террористическая деятельность тоже началась примерно через год после взятия американскими войсками Багдада. И это вполне объяснимо. В первое время после оккупации даже ее убежденные противники деморализованы поражением. Основная масса населения выжидает, каким окажется оккупационный режим. К концу первого года антиоккупационные силы успевают наладить организационную структуру и получить помощь людьми и оружием из-за линии фронта (если война продолжается) или из-за границы от тех государств и организаций, которые являются противниками оккупационных сил. К этому времени население начинает ощущать тяготы от оккупации, особенно если война продолжается и войска на фронте требуют продовольствия и прочих предметов снабжения, которые обычно изымаются у жителей оккупированных территорий или в порядке реквизиций или за достаточно символическую плату. В случае, если оккупанты не создают на занятой ими территории лояльной им и влиятельной политической власти, то развертывание массового партизанского движения становится неизбежным. А национал-социалистическая Германия все завоеванное на Востоке считала своей добычей и не предполагала создания в зоне своей оккупации независимых государственных образований. На Западе же немцы имели своими союзниками малоавторитетные правительства Пэтена во Франции или Муссолини в Италии, что и способствовало развитию массового партизанского движения в этих странах. Что же касается Балкан, то здесь немцам во многом удавалось бороться с партизанами руками местных народов. Японцы же вообще не имели сколько-нибудь разработанной оккупационной политики, что немало способствовало развитию партизанского движения на захваченных ими территориях.

Упущенные возможности Германии

В момент вторжения германской армии в СССР значительная часть населения недавно советизированных территорий Западной Украины, Западной Белоруссии, Бессарабии, Прибалтики готова была видеть в немцах и их союзниках своих освободителей от большевистского ига. Репрессии, экспроприация частной собственности, повсеместный дефицит всего необходимого, попытка загнать крестьян в колхозы вызвали массовое недовольство населения. Коллективизацию недобрым словом поминали и в восточных областях Украины и Белоруссии, уже давно являвшихся частью «Союза нерушимого». Здесь, как и в ряде русских областей, крестьяне тоже готовы были видеть в немцах освободителей – при условии, что те распустят колхозы и вернут народу землю, а также будут оставлять им достаточную для безбедной жизни часть выращенного урожая. Но как раз этого немцы делать не собирались. Колхозы предполагалось сохранить, как наиболее удобный инструмент изъятия у крестьян «излишков» продовольствия для нужд германской армии.

До войны на советской территории, занятой немцами и их союзниками, проживало более 70 миллионов человек. Но их население значительно уменьшилось как за счет эвакуации 15 миллионов жителей на Восток и мобилизации от 7 до 10 миллионов призывников в Красную армию, так и за счет голода, болезней, репрессий оккупационных властей и отправки местных жителей на принудительные работы в рейх. Кроме того, многие горожане перебрались в сельскую местность, где легче было прокормиться.

Среди тех, кто отказался от эвакуации или не смог эвакуироваться, в первый момент преобладали прогерманские настроения. Вот что утверждал, например, бывший руководитель подполья НКВД в Могилеве К.Ю. Мэттэ: «Количество населения в городе уменьшилось до 47 тысяч (до войны было более 100 тысяч). Значительная часть советски настроенного населения ушла с Красной Армией или же вынуждена была молчать и маскироваться. Основной тон в настроении населения давали контрреволюционные элементы (имеющие судимость, всякие «бывшие люди» и т. д.) и широкие обывательские слои, которые очень приветливо встретили немцев, спешили занять лучшие места по службе и оказать им всевозможную помощь. В этом числе оказалась и значительная часть интеллигенции, в частности, много учителей, врачей, бухгалтеров, инженеров и др.

Очень многие молодые женщины и девушки начали усиленно знакомиться с немецкими офицерами и солдатами, приглашать их на свои квартиры, гулять с ними и т. д. Казалось как-то странным и удивительным, почему немцы имеют так много своих сторонников среди нашего населения».

А вот мнение человека прямо противоположных взглядов, убежденного антикоммуниста, после войны оказавшегося на Западе. П. Ильинский следующим образом описывает настроение крестьян в окрестностях Полоцка: «Убеждение в том, что колхозы будут ликвидированы немедленно, а военнопленным дадут возможность принять участие в освобождении России, было в первое время всеобщим и абсолютно непоколебимым. Ближайшее будущее никто иначе просто не мог себе представить. Все ждали также с полной готовностью мобилизации мужского населения в армию (большевики не успели произвести мобилизацию полностью); сотни заявлений о приеме добровольцев посылались в ортскомендатуру, которая не успела даже хорошенько осмотреться на месте».

Однако эти надежды рассеялись как дым. Тот же Ильинский десятилетие спустя после окончания войны писал: «Только теперь, в ретроспективном плане, зная досконально чудовищные идеологические основы Третьего рейха, мы можем понять, в какое бешенство должна была приводить столпов национал-социализма наша претензия на участие в вооруженной борьбе против большевиков. Ни о русских формированиях, ни о мобилизации, ни о приеме добро-

вольцев не могло быть тогда, конечно, и речи! Протянутая рука была отвергнута и осталась беспомощно висеть в воздухе».

Еще более резко, чем в России и Белоруссии, прогерманские настроения были выражены на Западной Украине, но и здесь немцы не использовали благоприятную возможность для формирования союзной им украинской армии. Один из руководителей абвера Пауль Леверкюн подробно написал об этой упущенной возможности в своих мемуарах. Он связывал ошибки в германской политике на оккупированных территориях с позицией Гитлера и других руководителей национал-социалистической партии: «Зимой 1940–1941 годов в лагере Нойхаммер под Лигницем был сформирован батальон из бывших военнослужащих польской армии украинской национальности. Роты этого батальона состояли из солдат, получивших хорошую подготовку в польской армии и отобранных из лагерей для военнопленных с помощью организации западных украинцев (имеется в виду ОУН – Организация украинских националистов, два соперничавших крыла которой возглавляли Степан Бандера и полковник Андрей Мельник. – *Б.С.*). Частично они входили в организацию Бандеры, часть из них входила в другие западноукраинские организации (имеется в виду группа Мельника. – *Б.С.*). Украинским командиром этого батальона был отважный партизанский командир, который под именем Чупринка погиб в 1951 году под Киевом, будучи вождем украинского повстанческого движения (имеется в виду один из руководителей Украинской повстанческой армии (УПА) Роман Шухевич, известный под псевдонимом «Тарас Чупринка»; он погиб в бою с войсками МГБ в марте или июне 1950 года под Львовом. – *Б.С.*). Немецким командиром батальона был обер-лейтенант Альберт Герцнер... Политическим руководителем был профессор Теодор Оберлендер. Этот батальон, созданный Абвером-2 (2-м отделом, отвечавшим за разведывательно-диверсионную деятельность в тылу противника. – *Б.С.*), к сожалению, очень плохо оснащенный, был назван для маскировки “Нахтигаль” (Соловей), потому что он имел хор, который мог бы поспорить с лучшими, получившими международную известность, казачьими хорами. Он вошел в состав полка “Бранденбург” (солдаты и офицеры которого подчинялись абверу и предназначались для разведывательно-диверсионной деятельности. – *Б.С.*), где уже был один батальон, и 22 июня 1941 года вступил на территорию Советского Союза. В боях за Львов разведчики батальона установили, что во Львове производятся массовые расстрелы украинских националистов, и побудили командиров обоих батальонов вступить во Львов в ночь с 29 на 30 июня 1941 года, за 7 часов до установленного срока наступления 1-й горнострелковой дивизии. В этом деле особенно отличился украинский батальон. Украинское командование батальона заняло радиостанцию Львова и передало в эфир прокламацию о создании свободной, самостоятельной Западной Украины. Вскоре последовал резкий протест ведомства Розенберга (министерства по делам восточных территорий. – *Б.С.*), и при дальнейшем продвижении на Украину, когда батальон особо отличился в боях за Винницу, происходило постепенное изменение настроения его солдат и офицеров. Только что созданное Восточное министерство изъяло Западную Украину... из украинского государства, создание которого планировалось украинским командованием, и включило эту область с особо надежным населением в состав генерал-губернаторства, т. е. остатков польского государства. В результате этого украинский батальон, который во Львове у десятков тысяч освобожденных западных украинцев зажег готовность к борьбе, стал ненадежным, в нем начались бунты, и его вынуждены были распустить. Здесь была упущена большая возможность. Капитан Оберлендер в то время попытался добиться аудиенции у Гитлера, и он добрался-таки до Гитлера. Гитлер прервал его доклад об Украине и сказал: “Вы в этом ничего не понимаете. Россия – это наша Африка, русские – это наши негры”. Оберлендер позднее сказал командиру “Бранденбурга”: “С этим мнением Гитлера война проиграна”».

Добавлю, что 30 июня 1941 года во Львове фракция Бандеры образовала правительство, претендовавшее на власть над всей Украиной. Но Бандера 5 июля 1941 года был арестован в

Кракове и помещен в концлагерь Заксенхаузен, а 10 июля во Львове заключили под стражу и ведущих членов украинского правительства.

«Нахтигаль» четырьмя днями раньше предусмотрительно убрали из города, чтобы избежать эксцессов. Так что, вопреки распространявшимся советской пропагандой утверждениям, люди Шухевича не имели никакого отношения к уничтожению евреев и польской интеллигенции Львова, начавшемуся позднее. Это было установлено в ходе расследования на слушаниях в американском Конгрессе в 1954 году. Тогда же было доказано, что руководство ОУН (Бандеры) и УПА никак не были причастны к «окончательному решению еврейского вопроса». И что оно прекратило сотрудничество с немцами вскоре после разгона правительства во Львове. Иначе обстояло дело с руководителями более низкого уровня и рядовыми членами организации. Бойцы батальона «Нахтигаль» были потрясены, узнав, что немцы разогнали украинское правительство. Однако они решили, что пока еще рано рвать с немцами, а лучше запастись оружием и получить военные знания. Еще больше года «Нахтигаль» вместе с СС и полицией сражался против советских партизан в Белоруссии. Только в октябре 42-го весь личный состав батальона отказался продлить очередной годовой контракт на службу в немецкой армии. После этого украинских офицеров арестовали, а солдат поместили под полицейский надзор. Шухевич с частью своих соратников бежал из-под ареста и ушел в карпатские леса, положив начало организации Украинской повстанческой армии. Некоторые отряды украинских националистов боролись против немецких тыловых отрядов уже с конца 1941 года. А с конца 1942 года основная часть населения Западной Украины сражалась как против немцев, так и против советских и польских партизан.

В отличие от фракции Бандеры, фракция Мельника продолжала сотрудничать с немцами, и бандеровцы порой нападали на мельниковцев, служивших полицейскими и бургомистрами. Но чаще всего на Западной Украине те сами присоединялись к повстанцам. В 1941–1944 годах УПА вела борьбу с немцами, а также с отрядами польской Армии крайовой и советских партизан. Украинские повстанцы действовали на территории польской Украины, а также Северной Буковины и входившего в состав Венгрии Закарпатья (там они сражались также с венгерскими гонведами). Немцы оценивали численность УПА в 80–100 тысяч бойцов. Уцелевшие руководители повстанцев, оказавшиеся в эмиграции, утверждали, что в рядах УПА сражалась одновременно от 200 до 400 тысяч человек. Вероятно, последняя цифра ближе к истине. Ведь солдаты и офицеры УПА располагали лишь очень ограниченным количеством боеприпасов. В отличие от советских партизан, они не получали никакого снабжения из-за линии фронта. Поэтому сторонники Бандеры могли нападать только на небольшие группы и гарнизоны немецких военнослужащих. Абвер же оценивал численность украинских партизан главным образом по их боевой активности.

Об одной из групп УПА можно судить по донесению, направленному 5 декабря 1942 года Пономаренко Сталину: «Товарищ Сталин! По сообщению Сабурова, в лесах Полесья, в районах Пинск, Шумск, Мизочь имеются большие группы украинских националистов, под руководством лица, законспирированного кличкой Тарас Бульба. Мелкие группы партизан националистами разоружаются и избиваются. Против немцев националисты устраивают отдельные засады.

В листовках националисты пишут: “Бий кацапа москаля, гони его видциля, вин тобі не потребен”.

По сообщению другого источника, националисты под руководством “Тараса Бульбы” находятся количеством 50 000 человек в 6 км восточнее деревни Ленин, что 35 км юго-восточнее Сарны, оборудуют зимние квартиры».

Численность армии Бульбы (Боровца) здесь, возможно, преувеличена, но не вызывает сомнений, что она насчитывала десятки тысяч человек, а значит, вся УПА вполне могла насчитывать 400 тысяч бойцов. А вот Степана Бандеру Пономаренко поторопился похоронить. Об

устранении Бандеры уже после войны пришлось позаботиться КГБ. Степан Андреевич был убит в Мюнхене лишь в 1959 году.

Западноукраинское население, за два года сытое по горло советской властью, да и прежде мечтавшее о национальном Украинском, но отнюдь не о советском государстве, в своем большинстве не поддерживало коммунистических партизан, приходивших с Восточной Украины, и предпочитало выдавать их немцам, поскольку свои, украинские, повстанцы не имели достаточно вооружения, чтобы справиться с гораздо лучше вооруженными советскими партизанами. В частности, командир одного из партизанских соединений, по приказу Центрального штаба партизанского движения совершившего несколько рейдов на Правобережную Украину, Михаил Иванович Наумов, рассказывает в мемуарах, как в марте 1944 года один из его отрядов, Рава-Русский, был полностью уничтожен в деревне Завоны вблизи Буга, причем немецких карателей навели на место ночевки партизан бандеровские агенты.

УПА сражалось как против немцев, так и против польской Армии Крайовой и советских отрядов, приходивших из Восточной Украины. Нередко украинские повстанцы, равно как и их польские противники, жестоко расправлялись с евреями. Эти эксцессы случались несмотря на то, что руководство ОУН и УПА, равно как командование АК и польское правительство в Лондоне, антисемитизм осуждали.

Фракция Бандеры после ареста своего лидера стала ориентироваться на собственные силы украинского народа. Главными противниками признавались нацистская и большевистская диктатуры. К западным союзникам бандеровцы относились без враждебности, но рассчитывать на их помощь никак не могли. Правда, до войны ОУН финансировалась в значительной мере за счет украинской диаспоры в Америке, но она не имела влияния на правящие круги этой страны. Борьба УПА, равно как и прибалтийских «лесных братьев», с самого начала отличалась безнадежностью и ожесточенностью отчаяния. Поляки из Армии Крайовой хотя бы представляли правительство, признанное западными державами, а до 1943 года – и Советским Союзом. Украинские, литовские, латышские и эстонские повстанцы после войны надеялись только на собственные силы, а бороться им приходилось как с Германией, так и с Советским Союзом.

Борьба украинских националистов проходила под лозунгами «За самостоятельное, свободное Украинское государство» и «Свобода народам, свобода человеку». В листовке 1942 года, выпущенной УПА, утверждалось, что украинские повстанцы борются «за новый, справедливый лад и порядок в Украине, без господ, помещиков, капиталистов и большевистских комиссаров. За новый справедливый международный лад и порядок в мире, обеспечивающий права и независимость каждого народа. Против немецких и московских захватчиков, которые стремятся покорить и поработить украинский народ». Весной 1943 года в связи с поражениями вермахта III конференция ОУН приняла решение активизировать борьбу. Ранее бойцы УПА ограничивались защитой населения от угона в Германию, не позволяли немцам забирать крестьян, а также нападали на небольшие группы немецких солдат и полицейские гарнизоны. Теперь предполагалось нападать и на отдельные немецкие части. Ситуацию на Украине очень точно охарактеризовали постановления III Чрезвычайного Большого Сбора Организации украинских националистов 3 августа 1943 года: «Сам факт существования СССР представлял и представляет реальную угрозу возврата большевистского режима на Украине. Преследуя официально только отдельные слои населения, московско-большевистский режим создает для остального народа фикцию мирной и спокойной жизни и обманчивой перспективой счастья и пожеланий на будущее. Большевистская оккупационная система, в противовес немецкой, задерживает политическую активизацию целых масс и создание единого фронта всех народных сил. Характерно при этом то, что политическое наступление немецкого гитлеризма и московского большевизма на украинской территории не ликвидировали себя во взаимном ударе и даже не нейтрализовались. Продвигаясь отдельно и преследуя свои цели, они пополнялись

и облегчали свою работу. Часть слабого элемента, испуганная большевистским поворотом, видела спасение в немецкой силе; другая часть, битая беспощадно немецким колониальным сапогом, избирала, по своему мнению, меньшее горе, т. е. ожидая спасения от большевиков. Когда на Украине, как и в других странах, часть народа и сегодня ориентируется на большевиков, то это в значительной степени заслуга немецкой колониальной системы».

ОУН делала ставку на взаимное истощение сил Германии и СССР. В постановлении III Чрезвычайного Сбора утверждалось, что весной 43-го поражения германской армии на фронтах «сигнализировали приближение катастрофы. Процесс упадка и истребления сил воюющих империалистов шел в последние годы систематически и непрерывно, но последствия его стали видимыми в весенние месяцы 1943 года... Командование Красной армии не имело силы использовать небывалый шанс, который создался после полного распада северной части немецкого восточного фронта. Выяснилось, что ни Красная армия, ни хозяйственные тылы СССР не имеют уже силы для серьезных военных действий. Истерический крик о помощи алиантов (союзников) в виде второго фронта поднялся еще больший с того момента. Так называемый успех Красной армии – это только результат ускоренного распада Германии, ускоренного активным наступлением алиантов в Африке, а позднее на Сицилии и во всем европейском воздушном пространстве.

Жизнь снова подтвердила справедливость нашего политического тезиса о деструктивном характере империализма и о противоречиях внутри империй, которые ведут к полному развалу при этом серьезнейшем потрясении. Война стала тем потрясением, что выявила всю слабость немецкой и большевистской империи. Покоренные народы получили реальную возможность ударом изнутри достигнуть освобождения». Оуновцы высмеивали те «слабые элементы», кто считал их «ориентацию на собственные силы» «утопией». Социалистическая программа ОУН привлекала симпатии масс. Украинские националисты обещали 8-часовой рабочий день, крестьянам Западной Украины – раздачу помещичьих, монастырских и церковных земель, равноправие частной и коллективной собственности на землю и право крестьян на свободный выбор формы собственности, государственную собственность на крупные предприятия, и частную и кооперативную – на мелкие, право национальных меньшинств на развитие своих культур, равноправие всех граждан Украины, независимо от их национальной, социальной или религиозной принадлежности, всеобщее право на труд, зарплату и отдых. Это не исключало отдельных эксцессов отрядов УПА против мирного еврейского и польского населения, но на программном уровне антисемитизм и антипольские установки у ОУН отсутствовали. Это была типичная программа национальной организации, борющейся за независимость в колониальной стране. После войны десятки подобных движений пришли к власти в новых государствах Азии и Африки. Но ОУН так и не суждено было возглавить правительство независимой Украины. Соратники Бандеры наивно думали, что, как и в Первой мировой войне, в России и в Германии произойдут революции, а это позволит Украине обрести наконец независимость. Но тоталитарные режимы оказались куда более стойкими, чем монархические. Поддержка Англии и США предопределила победу Сталина, и независимость советских республик отодвинулась почти на полвека.

В первой половине 1944 года значительная часть Галиции контролировалась отрядами УПА. Об этом свидетельствует, например, донесение начальника СС и полиции Галиции от 17 мая 1944 года: «Апрель характеризуется значительным ростом деятельности банд на территории генерал-губернаторства... Ситуация в дистрикте Галиция находится под контролем банд УПА. Основными зонами их концентрации являются юго-западная и южная части дистрикта, а также территория южнее Рогатина. УПА, как и раньше, проводит мобилизации среди своих сторонников, занимается их подготовкой и политическим воспитанием...»

Но борьба с УПА стоила жизни десяткам тысяч советских, немецких и польских солдат. Украинскими повстанцами были смертельно ранены начальник ополчения штурмовых отря-

дов обергруппенфюрер СА Виктор Лютце, советский генерал армии Н.Ф. Ватутин и заместитель министра обороны просоветского правительства Польши генерал брони Кароль Сверчевский.

В 1944–1945 годах при оставлении немцами оккупированных территорий УПА и «лесные братья» смогли вооружиться брошенным вермахтом и его румынскими и венгерскими союзниками при отступлении оружием и боеприпасами. Их хватило еще на 9 лет борьбы против советских войск. Часть вооружения немецкое командование в 44-м добровольно передало УПА при отходе с Украины в обмен на призрачные обещания поставлять разведданные о Красной армии и в гораздо более основательной надежде, что украинцы будут вести борьбу с советскими войсками.

Разругавшись с украинскими националистами, немцы утратили очень важного союзника в борьбе с Советским Союзом. Серьезный источник для антисоветских вооруженных формирований Л. Рендулич справедливо отмечал, что одной из причин массового партизанского движения стала «сумасбродная, антинародная политика» гаулейтера Эриха Коха на Украине: «Официальная пропаганда того, что советский человек – существо “низшей расы”, невыполненные обещания о самоуправлении, о проведении земельной реформы и предоставлении украинскому народу определенных прав – все это привело к тому, что Германия потеряла на Востоке совершенно неопределимые возможности на успех. Население обширных районов России вначале видело в немецком солдате своего освободителя. Совершенно неправильная политика притеснения народа вконец подорвала доверие народа к немецкой армии и немцам и лишила Германию возможности проводить какую-либо политику, что в условиях горького разочарования местного населения создало партизанам все предпосылки для расширения масштабов своей борьбы». Тут надо оговориться, что по большому счету германскую политику на Украине и на других оккупированных советских территориях определял, конечно же, не Кох, а сам Гитлер. Для него Украина была лишь «жизненным пространством», а ее ресурсы – одной из основных целей войны. Поэтому он и слышать не хотел о независимом Украинском государстве, пусть даже дружественном Германии.

Что же касается просоветского партизанского движения, то в первые месяцы Великой Отечественной войны условия для его развития оказались не самыми благоприятными. Значительная часть населения была настроена антибольшевистски. Престиж советской власти и Красной армии после ряда тяжелых поражений упал весьма низко. Кроме того, значительная часть оставленных на оккупированных территориях по линии НКВД и по партийной линии руководителей будущих партизанских отрядов и подпольных организаций оказалась еврейской национальности и сразу же подпала под проводимое нацистами «окончательное решение еврейского вопроса». Их либо уничтожили, либо заключили в гетто, поэтому организовывать партизанские отряды они никак не могли.

Однако очень скоро ряд факторов, и прежде всего жестокая оккупационная политика немцев и бесчеловечное обращение с пленными, способствовали появлению на оккупированной территории многочисленных партизанских отрядов. Ядром партизанских отрядов становились группы красноармейцев-окруженцев, во главе с каким-нибудь энергичным командиром или комиссаром. Также многие бежавшие из плена, насмотревшись на ужасы концлагерей, приходили к партизанам. Пленных немцы на оккупированных территориях почти не кормили, так что бегство к партизанам часто становилось единственным способом спасения. Альтернативой был только переход на службу к немцам. Первоначально среди партизан преобладали выходцы из других местностей, которые не могли пытаться скрыться в родных деревнях. Но вскоре к ним добавились и местные уроженцы. В первые месяцы войны немцы отпустили домой более 100 тыс. пленных, уроженцев уже занятых вермахтом территорий, в основном украинцев и белорусов. Очень скоро они познали все прелести «нового порядка», в рамках которого неарийское славянское население признавалось «недочеловеками», людьми второго

сорта, и подвергалось соответствующему обращению. И бывшие пленные потянулись в лес, к партизанам, а следом за ними – гражданское население. Как признавал немецкий генерал Э. Миддельдорф, в России очень быстро проявилось «недружелюбное отношение широких народных масс к немецкой армии, явившееся следствием ошибок высшего немецкого политического руководства, а также грубых нарушений со стороны немецких органов гражданского управления. Партизанские отряды во все возрастающем масштабе повсюду находили скрытую или даже открытую поддержку у гражданского населения». Партизанам надо было только дожидаться, когда фронт отойдет от их местности и снизится концентрация немецких частей, чтобы можно было поставить под свой контроль обширные территории за пределами основных транспортных магистралей. В этих районах немецкое военное присутствие было минимальным, а местная вспомогательная полиция либо уничтожалась партизанами, либо переходила на их сторону. Под контролем партизан порой оказывались даже отдельные райцентры, если они не были железнодорожными станциями и в них отсутствовали немецкие гарнизоны.

Также и командование Красной армии и руководство НКВД, оправившись от шока первых поражений, уже осенью 41-го организовали засылку в немецкий тыл разведывательно-диверсионных групп и начали устанавливать связь с партизанскими отрядами. Партизанским группам, засылаемым в тыл немцев поздней осенью и зимой 1941 года, вменялось в обязанность сжигать избы и хозяйственные постройки, чтобы их не могли использовать немцы для расквартирования на зиму. Такого рода диверсии действительно доставляли вермахту немало хлопот. Так, командующий группой армий «Центр» фельдмаршал фон Бок записал в дневнике 7 декабря 1942 года, на второй день советского контрнаступления под Москвой: «Разрушением и уничтожением всех построек у железных и автомобильных дорог русские сумели создать для нашего фронта невыносимые условия – вследствие этого мы лишились самого необходимого подвоза. Боеприпасы, горючее, провиант и зимнее обмундирование не доходили до фронта». А уничтожение домов в деревнях и поселках вело к росту немецких потерь обмороженными и заставляло тратить дефицитное горючее на обогрев солдат в палатках. Однако поджоги домов еще в большей мере били по местным жителям, многим из которых грозила смерть от морозов.

В одной из таких групп «факельщиков» была и легендарная Зоя Космодемьянская. Обстоятельства ее подвига существенно отличались от созданного по горячим следам пропагандистского мифа. Корреспондент «Правды» Петр Александрович Лидов, открывший миру героическую «Таню» (так называлась первая публикация о подвиге Космодемьянской), рассказал об этом в очерке «Новое о “Тане”», опубликованном в газете «Правдист» – органе партбюро, комсомольского комитета и месткома «Правды» 5 мая 1942 года:

«Успех “Тани” – это триумф чудесной русской девушки Зои Космодемьянской. Мне по обязанности репортера – протоколиста событий, довелось по рассказам очевидцев добросовестно и пунктуально записать все, что связано с подвигом и гибелью нашей отечественной Жанны д’Арк. Подвиг Зои Космодемьянской – это наиболее крупное, яркое и романтическое из тех событий, которые мне приходилось отыскивать и описывать. Очерки о Тане от начала до конца документальны, протокольны и в них нет ни вымысла, ни пустой и звонкой фразы, порой спасающей очеркиста, не запасшегося достаточным количеством добротных фактов.

Писать о том, как протекала работа над очерками о Тане, не имеет смысла хотя бы потому, что работу над этой темой нельзя еще считать законченной. Подвиг Тани и все связанное с ним – это целая эпопея, которая еще не раскрылась перед нами целиком.

В середине января в только что освобожденной от немцев деревне Пушкино один из местных жителей рассказал нам о казни неизвестной девушки в Петрищеве. Казалось, что остается съездить на место происшествия, убедиться в достоверности этого рассказа и написать. На самом же деле все оказалось сложнее. Над раскрытием обстоятельств дела и установлением личности Тани пришлось работать целый месяц непрерывно и довольно напряженно. К

моменту появления в печати очерка “Кто была Таня” картина боевого подвига Зои Космодемьянской, ее поимки, допросов и казни была достаточно ясна. С тех пор прошло три месяца. Зое Космодемьянской присвоили звание Героя Советского Союза, ее узнала вся страна, весь мир. В Соединенных Штатах, например, состоялись уже две радиопередачи, посвященных Зое. Имя Тани стало символом стойкости и верности родине. Любовь Тимофеевна Космодемьянская окружена почетом и любовью: потеряв дочь, она приобрела миллионы дочерей и сыновей. Об этом ей пишут в сотнях писем, и это чувствует она сама.

Некоторые из писем в редакцию содержат новые данные о Зое, и ее история, таким образом, дописывается сейчас коллективно. В одном из писем сообщается, например, что “героиня родилась не в городе Москве, а в селе Осиповые Гаи Рудовского района Тамбовской области”. Письмо это подписано руководителями районных организаций, которые считают, что “правильное освещение месторождения Зои Космодемьянской будет способствовать улучшению развертывания политико-воспитательной работы среди молодежи и всего населения нашего района и области, а это даст возможность успешно проводить в жизнь все решения партии и правительства и в особенности сельскохозяйственные полевые работы 1942 года” (если исходить из подобных утилитарных соображений, то Москва как место рождения героини все же предпочтительнее глухой тамбовской деревни – «политико-воспитательную работу» можно развернуть среди миллионов, а не сотен человек. – Б.С.).

Сами обстоятельства гибели Зои получают теперь новое освещение. Немцы не сами поймали партизанку, ее предал ее же товарищ и ровесник, который шел вместе с нею в роковую ночь на 26 ноября, который одновременно с ней должен был бросить свою зажигательную бутылку. Он струсил в последнюю минуту, он побоялся быть повешенным немцами, но был расстрелян русскими.

Василий Клубков струсил и был пойман. Зоя не струсила, она сделала свое дело и ушла в условленное место. Она могла уйти дальше в глубь леса, но она не хотела покинуть товарища в опасности. Зоя доверчиво ждала Клубкова, но вместо него на опушку пришли посланные им немецкие солдаты.

Зою допрашивали в присутствии Клубкова. Она отказалась назвать себя, отказалась отвечать, откуда и зачем пришла. Она сказала, что не знает Клубкова и видит его в первый раз.

Тогда офицер поглядел на Клубкова. Клубков сказал: “Она врёт, мы с ней из одного отряда. Мы вместе выполняли задание. Ее зовут Зоя Космодемьянская, с нами был еще Борис Крайнов...”

При Клубкове Зою раздели догола и били резиновыми палками, после этого она сказала: “Убейте меня, но я ничего вам не расскажу”.

Через некоторое время Клубков вернулся в Москву, в ту самую часть, в которую несколькими месяцами ранее он вступил как боец-доброволец. На этот раз он пришел сюда в качестве немецкого шпиона.

Так усложняется сюжет повествования о Тане. Рассказ о ее очарованной душе следует дополнить рассказом о подлой, продажной душонке Василия Клубкова. Надо думать, что откроются еще и новые обстоятельства, которые осветят то, что сейчас еще кажется нам загадочным в истории Тани».

Лидову не удалось написать после войны документальную повесть о Зое Космодемьянской, как он мечтал. В июне 1944 года автор «Тани» вместе со своим другом фотокорреспондентом Сергеем Струнниковым, сделавшим знаменитый снимок мертвой Зои, попал под бомбежку на аэродроме в Полтаве, где базировались американские «летающие крепости». Оба журналиста погибли. Кстати, на том аэродроме в качестве переводчика должен был служить Ричард Пайпс, ныне являющийся одним из наиболее известных американских специалистов по российской истории. Однако из-за того, что немцы разбомбили аэродром в Полтаве, его командировка в СССР тогда не состоялась.

После смерти Лидова в советской печати продолжала тиражироваться первоначальная версия – о том, что Зою схватили в Петрищеве сами немцы. Раздетую догола героиню целомудренно одели в сорочку и трусики. В пропагандистских мифах не нужна была тема предательства, чтобы у народа не возникало ощущения, будто предателей было слишком много. К тому же история с Клубковым не только объясняла, как немцы установили подлинное имя партизанки Тани, но и делала бессмысленным допрос ее немцами. Ведь от предателя враги уже узнали имя и настоящую биографию героини, и место дислокации партизанского отряда. Так что германские солдаты истязали Зою из чистой «любви к искусству», точнее – из-за стремления к реализации собственных садистских наклонностей, да еще к мести за лошадей, сгоревших в подожженной Космодемьянской конюшне. И подвиг Зои был чисто морального свойства. Он измерялся не нанесенным врагу ущербом, а в нравственном превосходстве над ним, выразившемся в отказе купить себе жизнь или хотя бы легкую смерть ценой предательства.

Клубков же, засланный в качестве германского агента в Москву, был изобличен как неприятельский шпион и арестован 28 февраля 1942 года. Его расстреляли по законам военного времени 16 апреля 1942 года. Перед смертью Василий и поведал о последних часах Зои. Он, в частности, сообщил: «Офицер спросил меня, она ли это и что мне известно о ней. Я сказал, что это действительно Космодемьянская Зоя, которая вместе со мной прибыла в деревню для выполнения диверсионных актов, и что она подожгла южную окраину деревни. Космодемьянская после этого на вопросы офицера не отвечала. Видя, что она упорно молчит, несколько офицеров раздели ее догола и в течение 2–3 часов избивали ее резиновыми палками, добиваясь показаний. Космодемьянская сказала: “Убейте меня, я вам ничего не расскажу”. После чего ее увели, и я ее больше не видел».

Позднее появились версии, что Клубков на самом деле Зою не предавал, и немцы схватили ее без его помощи. Василий же, дескать, оговорил себя под нажимом следователей НКВД. Но в оговор верится с трудом. Чтобы немцы отпустили за линию фронта попавшегося к ним в руки диверсанта-поджигателя, тот должен был купить себе жизнь чем-то очень существенным, не меньшим, чем предательство, причем предательство результативное, которое помогло бы схватить кого-то из других советских диверсантов. Кстати, Клубков и вернулся с версией, будто ему удалось сбежать от немцев, выпрыгнув из машины, но в это чудесное спасение следователи не поверили. И в посмертной реабилитации в 2001 году Клубкову было отказано.

Интересно, что жители были отнюдь не в восторге от деятельности Космодемьянской и ее коллег-факельщиков. Жительница Петрищева Прасковья Яковлевна Петрушина (Кулик) показала на следствии: «...Смирнова (соседка Кулик – погорелица. – Б.С.) на ходу взяла чугуны с помоями... Я быстро вышла и увидела, что Зоя вся облита помоями...» А сосед погорельцев Иван Егорович Солнцев утверждал: «...Соседка подошла и сильно ударила ее по ноге железной палкой, сказав: “Кому ты навредила? Мой дом сожгла, а немцам ничего не сделала...”»

Крестьянок, чьи избы сожгла Зоя, можно понять. Теперь им и их детям грозила гибель от морозов. Но советская власть в это обстоятельство входить не стала. В 1942 году жительницы Петрищева А.В. Смирнова и Ф.В. Сонины сами были расстреляны «за измену Родине». Им инкриминировали избиение Зои Космодемьянской. Надо признать, что порой от действий партизан мирное население страдало не меньше, чем от действий немцев. Мы еще убедимся, что крестьяне порой по своей инициативе создавали отряды самообороны против партизан.

Советские партизаны были ориентированы на максимально жестокое ведение борьбы, на использование против оккупантов и их пособников всех средств, невзирая ни на какие международные конвенции и средства ведения борьбы. Если Красная армия сражалась под лозунгом: «Убей немца!», озвученном впервые Ильей Эренбургом, для советских партизан, сражавшихся на оккупированных территориях, он дополнялся лозунгом: «Убей коллаборациониста!» Причем убивали не только местных полицейских и бойцов антипартизанских формирований,

но и деревенских старост, которые порой занимали этот пост с согласия односельчан и стремились хоть как-то защитить их от произвола оккупационных властей.

Партизаны нарушали все прежние нормы и правила ведения войны, убивали своих противников с невероятной жестокостью. Сожжение живым не было еще самой жестокой казнью. Не брезговали они и ядами. Л. Рендулич справедливо отмечал: «Характерным для последней войны является... бесчеловечность форм борьбы, которая выразилась в том, что большие группы населения принимали в ней участие в качестве партизан. Партизаны встречались на всех театрах военных действий, кроме Финляндии. Их методы и формы борьбы отличаются коварством и жестокостью, из-за чего борьба с ними становится исключительно трудной». И тот же автор настаивал, что, согласно Гаагской конвенции 1907 года о законах и обычаях сухопутной войны, «сопротивление населения страны или ее части войскам противника допускается только до того, как страна оккупирована войсками противника, и никак не после оккупации. Что касается Второй мировой войны, то теперь установлено, что все европейские страны в момент возникновения в них партизанского движения уже были прочно заняты немецкими войсками и что в большинстве из них оно началось спустя много времени после оккупации (в некоторых странах на это ушли целые годы). Уже по одной этой причине партизанская борьба противоречила международному праву». Рендулич также настаивал, что немецкие войска действовали в полном соответствии с международным правом, когда ставили партизан вне закона: «...Международное военное право требует соблюдения партизанами общих правил вооруженной борьбы. Оно требует, чтобы партизаны носили какую-то форму или заметные издали знаки отличия и не прятали своего оружия. С этим последним положением несовместимо никакое коварство. Русские и итальянские партизаны, однако, вообще не признавали и не носили ни единой формы, ни знаков различия, а французские партизаны и частично партизаны на Балканах носили форму лишь при соединении их с регулярными войсками или при зачислении их в эти войска. Но даже и в этом случае они все же оставались партизанами и сохраняли присущие им особенности... Война из-за угла, в которой бойцы маскируются большей частью под обыкновенных мирных жителей, когда удар всегда наносится из засады, а наносящий его постоянно уклоняется от открытого боя и бесследно исчезает, такая война уже по своему существу не поддается ни письменной фиксации, ни, тем более, документированию».

Что ж, насчет того, что партизаны действовали вне норм международного права, определяющего нормы и обычаи ведения войны, спорить не приходится. Но разве сами немцы не попирали грубейшим образом нормы международного права? Германия совершила неспровоцированную агрессию против Польши и тем самым начала Вторую мировую войну, а затем совершила такую же агрессию против Дании, Норвегии, Бельгии, Голландии, Люксембурга, Югославии, Греции и Советского Союза. Еще до всякой партизанской войны нацисты начали репрессии против евреев и их поголовное истребление. Еще до начала войны против СССР был разработан пресловутый «приказ о комиссарах», предусматривавший репрессии вплоть до расстрела против попавших в плен политработников Красной армии только за их принадлежность к этой категории военнослужащих.

Что же касается партизан, то у них не было другого выхода, кроме как действовать из-за угла. Да и носить формы они не могли просто за ее отсутствием. Партизаны одевались обычно в то, что было под рукой, будь то изрядно потрепанная военная форма, оставшаяся у них при службе в регулярной армии, или гражданское платье. Они были заведомо слабее регулярной германской армии, они могли иметь шансы на успех только действуя из засад, нападая внезапно, а также используя маскарад с переодеванием в немецкую и итальянскую военную форму или в форму полицейских.

Партизаны действительно использовали все средства в борьбе с оккупантами. Вплоть до того, что травили предназначенную для них пищу с помощью своей агентуры в городах и деревнях, где стояли крупные вражеские гарнизоны. Они нередко подвергали мучительной

казни пленных, особенно из числа своих соотечественников-коллорабационистов. Да и пленных брали редко – их просто негде было содержать в условиях партизанской жизни, и они значительно отягощали передвижение партизанских отрядов. Уцелеть имели шанс только те пленные, которые заявляли о своем переходе на сторону партизан и оказывали им помощь. Кроме того, особо ценных пленных иногда направляли самолетами или морем (в случае Италии и Балкан) в Москву или другие союзные столицы.

Подчеркну еще раз, что это была вынужденная жестокость, и она характеризовала действия отнюдь не только советских партизан, но и действия практически всех партизан Второй мировой войны.

В то же время немцы в борьбе с партизанами отличались ничуть не меньшей жестокостью. Взять хотя бы расстрелы десятков заложников за каждого убитого партизанами немецкого солдата или офицера. Да и партизан в плен немцы брали нечасто, как правило, только тогда, когда рассчитывали получить от них важные сведения или привлечь их на свою сторону. Кроме того, мирное население гибло не только в качестве заложников, но и просто во время карательных операций против партизан. Мирные жители становились жертвами насилий и грабежей не только со стороны немцев и их союзников, но и со стороны самих партизан. Тут причины были двоякие. Во-первых, партизаны нередко испытывали недостаток продовольствия и вынуждены были изымать его у населения, что неизбежно вело к столкновениям. Во-вторых, среди партизан оказывались самые разные люди, в том числе и с явно уголовными наклонностями. Но масштаб насилий со стороны партизан по отношению к мирным жителям был несоизмерим с насилиями, творимыми их противниками. Ведь успех партизанских операций напрямую зависел от поддержки местного населения, сообщавшего о передвижениях карателей и укрывавшего партизан в случае опасности, хотя за это и полагалась смертная казнь. Поэтому партизанские командиры старались по мере сил бороться с проявлениями насилия по отношению к мирным жителям со стороны своих бойцов. Л. Рендулич подчеркивает, что «боевые действия партизан были бы немыслимы, если бы их тайно поддерживало все население. Оно снабжало их одеждой и продовольствием, предостерегало их в случае опасности и укрывало от преследований».

Необходимо подчеркнуть, что без оккупационной политики немцев и их жестокого отношения к пленным не было бы столько партизан в белорусских и брянских лесах и в украинских Карпатах, в итальянских Аппенинах и на Балканах. Как пишет Л. Рендулич, в России «уже в первые месяцы войны деятельность партизан стала принимать все более широкие размеры. Они стали нападать на небольшие немецкие подразделения, караулы мостов, опорные пункты связи и даже на казармы и места стоянок войск. Весной 1942 года они уже представляли серьезную опасность для тыловых коммуникаций немецкой армии, поэтому для решительной борьбы с ними немецкому командованию приходилось стягивать в уже оккупированные районы большие силы, а для проведения крупных операций в областях, где движение приняло наиболее угрожающие размеры, – снимать отдельные части с фронта».

Когда партизанское движение на оккупированных территориях приобрело уже серьезный характер, немецкие генералы и чиновники стали сожалеть об упущенных возможностях. Так, доктор Отто Бротингам, заместитель начальника политотдела имперского Министерства по делам Востока, 25 октября 1942 года докладывал Розенбергу об упущенных возможностях: «Вступив на территорию Советского Союза, мы встретили население, уставшее от большевизма и томительно ожидавшее новых лозунгов, обещавших лучшее будущее для него. И долгом Германии было выдвинуть эти лозунги, но это не было сделано». Беда для рейха заключалась в том, что вплоть до 1943 года существовал и реализовывался на практике только один лозунг – «жизненного пространства» для немцев, каковым и должна была стать Польша и оккупированные территории СССР. Только в 1943 году, после поражений на фронте, была сделана попытка наладить хоть какой-то политический диалог с антисоветскими и антикоммунистиче-

скими силами и более активно использовать их для борьбы с партизанами в России и на Балканах, но было уже поздно. Население, познавшее все прелести «нового порядка», тем более не хотело связывать свою судьбу с теми, кто уже проигрывал войну.

Реквизиции продовольствия в партизанских районах, помимо снабжения германской армии, призваны были лишить средств к существованию население, поддерживавшее партизан. Об этом очень откровенно сказал уполномоченный по борьбе с бандитами и командующий войсками СС и полиции в группе армий «Центр» генерал СС фон дем Бах-Зеелевски. 26 февраля 1943 года в директиве о мероприятиях по борьбе с бандами он подчеркивал: «Белоруссия является источником снабжения войсковых частей. Этот источник не должен иссякать. Именно в тех областях, где действуют бандиты, мероприятия по захвату должны достичь хороших результатов, так как здесь полный захват (продовольствия. – Б.С.) означает лишение бандитов жизненно важных для них ресурсов. Каждая тонна зерна, каждая корова, каждая лошадь дороже расстрелянного бандита».

Вполне естественно, что почти все партизанские отряды базировались вдали от железных дорог и основных шоссе, идущих на фронт, так как там было слишком много неприятельских войск. Они предпочитали глухие места, где зачастую на 100 верст в округе вообще не было немецких гарнизонов. Оттуда они делали рейды на железнодорожные станции, рвали полотно, атаковали колонны на шоссе на дорогах, ведущих к фронту.

Справедливости ради надо признать, что германские войска на Востоке постоянно испытывали нужду в продовольствии, а в первую военную зиму – и в теплой одежде. Оккупированные советские территории были относительно беднее продовольствием, чем Польша, не говоря уже о странах Западной Европы, и с трудом могли прокормить многомиллионную армию оккупантов. Вышедший из немецкого тыла коммунист Борис Васильевич Желваков на допросе 9 февраля 1942 года свидетельствовал: «Питание немцев состояло из маленькой черствой буханки хлеба на три дня, два раза несладкий кофе, один раз суп, который они едят без хлеба... немцам выдавали сладости в небольшой дозе, заставляли колхозников варить им картофель, который с жадностью собаки пожирали». Неудивительно, что голодные солдаты вермахта тащили у крестьян и домашнюю птицу, и прочую живность, и то из съестного, что могли найти. Разумеется, это еще больше озлобляло местное население. Уже в сентябре 1942 года одна из групп тайной полевой полиции, находившаяся в Белоруссии, не слишком оптимистически оценивала настроение местного населения: «Только незначительное меньшинство сегодня действительно настроено пронемецки, основная масса занимает выжидательную позицию, а тайная вражда по отношению к немцам приняла такие размеры, что ее нельзя недооценивать».

По оценке советского командования, уже летом 1942 года действия партизан отвлекли 24 вражеские дивизии, из которых 15–16 постоянно использовались на охране коммуникаций. Значительную часть этих войск составляли войска союзных Германии Венгрии, Румынии, Италии и Словакии. В августе было произведено 148 крушений ж.-д. эшелонов, в сентябре – 152, в октябре – 210, в ноябре – 238.

Если на Балканах немцы и итальянцы рискнули поддерживать союзные им государственные образования (вроде усташской Хорватии и сербского правительства генерала Милана Недича) и переложить на них значительную часть борьбы с партизанами, а позднее даже сотрудничали с четниками генерала Драже Михайловича в борьбе против коммунистической партизанской армии Иосипа Броз Тито, если в Италии против партизан боролись не только германские оккупационные войска, но и войска и полиция союзного рейху республиканского правительства Муссолини, то на оккупированных советских территориях никаких государственно-политических образований, лояльных Германии, так и не было создано. Это обстоятельство существенно затруднило борьбу с советскими партизанами, которые к тому же имели

возможность непосредственно взаимодействовать с Красной армией и в гораздо большей степени, чем партизаны Балкан и Италии, получать помощь из-за линии фронта.

Организация партизанской борьбы в СССР

Германское нападение и быстрое отступление Красной армии вынудило советское руководство приступить к организации партизанского движения на своей территории. Вскоре после начала Великой Отечественной войны было создано Управление по формированию партизанских частей, отрядов и групп в составе Наркомата обороны, но его деятельность оказалась неэффективной, и уже в декабре 1941 года его упразднили. Сказывалось отсутствие в Красной армии опытных партизанских командиров, многие из которых не пережили репрессий 1937–1938 годов. В дальнейшем более значительную роль в организации партизанского движения на оккупированной советской территории играли партийные функционеры и НКВД, а организация партизанского движения пошла прежде всего по партийной линии. Таким образом создавались наиболее массовые отряды. По линии же НКВД создавались менее многочисленные, но более подготовленные отряды, ориентированные прежде всего на ведение разведки, уничтожение видных чинов оккупационной администрации и уничтожение особо важных объектов.

Хотя первые усилия по созданию партизанских отрядов были предприняты еще в первые дни войны, больших результатов они не принесли. Уже 27 июня 1941 года командующий Западным фронтом Д.Г. Павлов докладывал К.Е. Ворошилову: «С Пономаренко и командованием фронтом приняли меры по созданию партизанских отрядов и диверсионных групп. Возможности здесь большие, несколько сот человек уже заброшены на оккупированную территорию». Неслучайно Ворошилова во время этой поездки на Западный фронт сопровождали крупные специалисты по диверсиям и партизанской борьбе – бригадный комиссар Гай Туманян и полковник Хаджи-Умар Мамсуров. Ворошилов даже произнес напутственные слова командирам партизанских отрядов, направлявшихся в тыл. «Вся наша особая группа, – вспоминал Мамсуров, – в те дни работала по организации специальной сети агентуры в районе Рогачева, Могилева, Орши. Останавливали отходящие части, потерявшие связь с вышестоящим командованием. Именем Маршала Советского Союза Ворошилова направляли их в район Чаусы на сосредоточение и организационное укрепление в тылу...

Ночью 28 июня я уехал в район подготовки партизанских кадров и до наступления утра проводил занятия по тактике диверсионных действий. Обучение шло, по сути, днем и ночью. Эту группу утром 29 июня (а их было около 300 человек) мы направили на выполнение боевых задач в тылу противника. По моей просьбе в район приехали Ворошилов и Пономаренко, чтобы сказать будущим партизанам напутственные слова. Так зарождалось партизанское движение в Белоруссии». Но подавляющее большинство этих первых отрядов не пережило зиму 1941/42 года. Действительно массовое партизанское движение возникло в Белоруссии лишь примерно через год после начала войны.

Как раз 29 июня 1941 года была издана директива Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) партийным и советским организациям прифронтовых областей, где, в частности, указывалось: «В занятых врагом районах создавать партизанские отряды и диверсионные группы для борьбы с частями вражеской армии, для разжигания партизанской войны всюду и везде, для взрыва мостов, дорог, порчи телефонной и телеграфной связи, поджога складов и т. д. В захваченных районах создавать невыносимые условия для врага и всех его пособников, преследовать и уничтожать их на каждом шагу, срывать все их мероприятия».

Как справедливо замечает полковник спецназа В.В. Квачков, получивший всероссийскую известность как обвиняемый в организации покушения на главу РАО ЕЭС России А.Б. Чубайса, «с точки зрения организации вооруженного сопротивления в тылу противника данная директива была лозунгом, поскольку никакой руководящей партийной или государственной структуры, предназначенной для “разжигания партизанской войны” заблаговременно создано не было. Установка на ведение открытой вооруженной борьбы с хорошо оснащен-

ными и подготовленными частями немецкой армии обрекало партизанские отряды на разгром и чрезвычайно большие потери». Можно сказать даже, не просто на большие потери, а практически на полное уничтожение. Эту печальную истину подтвердили события 1943–1944 годов, когда партизанам, в связи с приближением фронта, пришлось столкнуться с целыми дивизиями вермахта.

В июле – августе на фронтах были созданы оперативно-учебные центры по подготовке партизан к проведению диверсий. В первые месяцы оставшиеся во вражеском тылу небольшие отряды красноармейцев и командиров, которым посчастливилось избежать плена, испытывали острую нужду в боеприпасах и продовольствии и не успели еще установить связь с Москвой. Но уже к зиме 41/42-го засланные из-за линии фронта специальные партизанские группы и наиболее авторитетные командиры и комиссары сумели сколотить первые отряды, причинявшие немцам немалое беспокойство. Разочаровавшиеся в оккупантах местные жители стали помогать партизанам, пополняя их ряды или добровольно снабжая партизан продовольствием и теплой одеждой. Поражение немецких войск под Москвой способствовало развитию партизанского движения. Если первые месяцы войны жители оккупированных территорий и окруженцы выжидали, устоит ли советский режим, то теперь многим стало казаться, что немцы скоро покатятся назад к границе под мощными ударами советских войск.

В то же время деятельность активность партизан сдерживалась отсутствием у них радиостанций и минно-взрывных средств. Так, в июне 1941 года только 10 процентов партизанских отрядов, действовавших в тылу врага, располагали радиостанциями. Это крайне ограничивало возможности партизан по оперативной передаче разведанных. Положение осложнялось тем, что подходящих для установки в тылу противника мин не было в достаточном количестве на складах Красной армии. Используемые в начале войны советские мины были слишком громоздки. Их трудно было носить с собой в пеших походах на большие расстояния, и они требовали много времени для установки и маскировки.

В конце 1941 года было создано Управление по формированию партизанских частей, отрядов и групп Главного управления формирований (Главупраформ) НКО. О непонимании данным управлением сущности, целей и задач партизанских действий говорит следующий факт. Главупраформом НКО предлагалось создать на неоккупированной территории Дона, Кубани и Терека 6–7 кавалерийских дивизий численностью 5483 человека каждая, сведенных в «1-ю конную армию народных мстителей» общей численностью в 33 000 человек, а также пять партизанских дивизий из приволжских, уральских и сибирских партизан, объединенных в «1-ю стрелковую партизанскую армию народных мстителей» общей численностью свыше 26 000 человек. В записке подчеркивалось, что оперативное использование партизанских армий целесообразно проводить крупной массой, т. к. «в массе бойцы действуют смелее, решительнее и самостоятельнее». К счастью, эту авантюру в жизнь так и не претворили, избавив от быстрой и бессмысленной гибели почти 60 тысяч человек, которые бы во вражеском тылу представляли собой прекрасную мишень для ударов с воздуха и со стороны германских пехотных и танковых дивизий. Здесь сказалась ориентация на опыт Первой мировой и Гражданской войн, когда партизанские действия осуществляли в первую очередь конными отрядами. Но в условиях господства в воздухе люфтваффе и насыщенности немецкой армии танками, артиллерией и пулеметами, конные массы в тылу подверглись бы безжалостному истреблению.

Подобные прожекты отнимали время и средства. Между тем в критическую для вермахта зиму 1941–1942 годов партизаны, из-за нехватки мин и взрывчатки, не смогли оказать сколько-нибудь значительного воздействия на коммуникации Восточного фронта, что помогло вермахту устоять перед советским контрнаступлением.

Москва сразу же постаралась поставить все созданные партизанские отряды под свой контроль. Сначала партизанским движением руководили Военные Советы соответствующих фронтов и находившиеся при них представители НКВД, а также компартии союзных респуб-

лик и обкомы подвергшихся оккупации областей РСФСР. В конце декабря 1941 года П.К. Пономаренко приступил к формированию Центрального штаба партизанского движения, но уже через месяц эта работа была остановлена. Глава НКВД Л.П. Берия подал записку Сталину, где возражал против формирования такого штаба. Он считал, что партизанами должно руководить НКВД, которое только и сможет со своими кадрами организовать эффективные диверсии во вражеском тылу. 30 мая 1942 года при Ставке Верховного Главнокомандования был создан Центральный штаб партизанского движения во главе с первым секретарем компартии Белоруссии Пантелеймоном Кондратьевичем Пономаренко. Ему подчинялись штабы партизанского движения в некоторых оккупированных республиках и областях. К тому времени выяснилась зависимость партизанских отрядов от снабжения по воздуху оружием и боеприпасами, а в некоторых случаях, если речь шла о малонаселенных территориях Карелии и российского Северо-Запада или о горах Крыма – то и продовольствием. Центральный штаб в этом отношении располагал значительно большими возможностями, чем командование отдельных фронтов, поскольку мог привлекать для помощи партизанам авиацию дальнего действия и транспортную авиацию центрального подчинения. Кроме того, в сентябре 1942 года главкомандующим партизанским движением был назначен член ГКО и Политбюро Климент Ефремович Ворошилов, которому был подчинен Центральный штаб партизанского движения. Однако очень скоро выяснилось, что аппарат главкомандующего и аппарат штаба дублировали друг друга, и что Ворошилов превратился просто в еще одну передаточную инстанцию между Центральным штабом партизанского движения и Ставкой. Поэтому уже 19 ноября 1942 года, в день начала контрнаступления под Сталинградом, пост главкомандующего партизанским движением был упразднен «в целях большей гибкости руководства партизанским движением, во избежание излишней централизации». Отставка Ворошилова стала фактически победой Пономаренко, недовольного, что в аппарате ЦШПД тот заменил бывших партийных работников армейскими офицерами. И.Г. Старинов, один из создателей и руководителей диверсионных подразделений, напротив, сожалел об уходе Климента Ефремовича: «Будучи Главкомандующим партизанским движением, маршал К.Е. Ворошилов по существу превратился в Главкомандующего партизанскими силами, так как, будучи членом Политбюро ЦК ВКП(б), мог быстро осуществить согласование действий партизанских формирований не только руководимых штабами партизанского движения, но отрядами и группами, руководимыми НКВД, ГРУ и начальниками инженерных войск. После ликвидации поста Главкомандующего партизанского движения начальник ЦШПД по сути остался только с партизанскими формированиями, руководимыми штабами партизанского движения. И это приводило к тому, что на одном направлении иногда в одну ночь проводилось до десятка диверсий, но перерыв в движениях на участке вызывала только одна диверсия, ликвидация последствий которой была наиболее длительной. Остальные диверсии на пропускную способность участков влияли мало или даже вовсе не влияли и только приводили к расходу сил и средств на ликвидацию последствий диверсии (и, замечу, заставляли партизан тратить на эти диверсии свои силы и весьма ограниченные запасы взрывчатки. – Б.С.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.